

Социология международных отношений

© 2024 г.

А.В. АТАНЕСЯН, В.А. АНИКИН

«ОБЩЕСТВО ТРАВМЫ»: ВОСПРИЯТИЯ, ОПАСЕНИЯ И НАДЕЖДЫ В АРМЯНСКОМ ОБЩЕСТВЕ ПОСЛЕ ВОЙНЫ В КАРАБАХЕ

АТАНЕСЯН Артур Владимирович – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной социологии Ереванского государственного университета; профессор кафедры журналистики, медиакоммуникаций и связей с общественностью Института международных отношений Пятигорского государственного университета, Ереван, Армения (atanesyan@yandex.ru); АНИКИН Василий Александрович – кандидат экономических наук, Ph.D. (Sociol.), доцент департамента социологии факультета социальных наук, старший научный сотрудник Института социальной политики НИУ «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (vanikin@hse.ru).

Аннотация. Представлена попытка диагностики и объяснения реакции армянского общества на события, связанные с войной в Нагорном Карабахе. Для выявления глубинных настроений, страхов и переживаний в армянском обществе в октябре – декабре 2023 г. было проведено 45 глубинных интервью. Контекстом для анализа информации послужили данные предыдущих количественных социологических исследований восприятия современной ситуации в Армении. Среди основных задач исследования – выявление настроений в отношении возможных трансформаций общества после карабахской войны 2020 г., ценностных «сдвигов», причин подобного исхода войны для армян, роли правящих элит Армении и внешнеполитических сил в контексте военной и послевоенной ситуации. Полученные результаты демонстрируют, что теория культурной травмы может выступать эффективным концептуальным инструментом в понимании и объяснении изучаемых социальных феноменов. В современном армянском обществе эти феномены имеют как «пессимистические» черты (неуклонное падение доверия к институтам власти, мрачный взгляд на будущее, ностальгия по прошлому, распространение политической апатии, электоральный абсентеизм), так и в определенной степени «оптимистические» (воля к «возрождению»). Исследование может быть полезно и для изучения других современных воюющих и послевоенных обществ, переживающих потерю территории и кризис власти.

Ключевые слова: «общество травмы» • Армения • Карабахский конфликт • «Бархатная революция» • война • ценностные трансформации • восприятия • доверие • апатия • преодоление

DOI: 10.31857/S0132162524120097

Авторы выражают благодарность Г.А. Погосяну и Д.Г. Бдояну за помощь в проведении полевой части исследования.

Теория социокультурной травмы и современный социум. Современная социология доказала высокую объяснительную силу теории «общества травмы» применительно к кризисным и посткризисным обществам [Тощенко, 2019; Волков, 2020]. Эта теория оказалась весьма продуктивна и для анализа современного российского общества [Волков, 2020]. В качестве характеристик «общества травмы» указывают: «отсутствие ясной стратегии развития; экономическая деградация; отсутствие созидательных общественных сил; переходы властных ресурсов в капитал и капитала во властные ресурсы; отстранение – добровольное и насильственное – большинства населения от участия в политической жизни; отсутствие государственной идеологии и/или национальной идеи; игнорирование национальных интересов или чрезмерная их абсолютизация; резкое увеличение социального неравенства; социальные деформации и утраты стремления к национальному суверенитету; неуважение традиций и прошлого страны или, наоборот, архаизация этноконфессиональных установок и патриархальных ориентаций» [Макаров, 2019: 3]. Подобные черты могут быть характерны и для послевоенных обществ, особенно – потерпевших поражение.

Есть примеры послевоенных обществ (Советский Союз после Первой мировой и Гражданской войны или Германия после Второй мировой), которые после травмы выбирали путь модернизации экономики и социальных отношений через экономический подъем, коллективную дисциплинированность; в таких обществах выход из послевоенной травмы осуществлялся через активное коллективное преодоление внутрисистемных недостатков [Макаров, 2019; Barakat, Zick, 2009]. Вместе с тем, в какой степени «общество травмы» может самостоятельно, без внешней помощи, восстановиться и модернизироваться после существенных экономических и военно-политических потерь – по-прежнему открытый вопрос.

По мнению Дж. Александера, «культурная травма» – социальный конструкт: «Сами по себе явления не травматичны. Травма – приписываемая обществом характеристика» [Alexander, 2012: 13]. Наличие социокультурных травм может предопределять траекторию развития обществ на последующие десятилетия. В частности, именно наличием социокультурных травм Дж. Александр объясняет, почему некоторые современные общества больше сфокусированы на прошлом, чем на будущем, больше думают о трагических аспектах прошлого, чем о будущем прогрессе.

Авторы считают, что социокультурная травма далеко не субъективна. Коллективное восприятие травмы – социальный конструкт, имеющий под собой объективные, существенные причины и основания: «Через конструирование культурных травм социальные группы, национальные сообщества и иногда целые цивилизации не только когнитивно определяют наличие и источники человеческих страданий, но и берут за них ответственность. Выявляя источники травмы и беря за нее моральную ответственность, члены сообществ становятся солидарны друг с другом и разделяют страдания других» [Alexander et al., 2004: 1]. События, явления и процессы могут стать вызывающими коллективную травму, если одновременно соответствуют следующим характеристикам: они являются всеобъемлющими (затрагивают всех членов сообщества), фундаментальными (затрагивают все основные, экзистенциальные сферы жизнедеятельности общества) и неожиданными для большинства людей [ibid 2004: 158–159].

Обобщая дискуссию о сущности коллективной травмы, ее можно определить как коллективное когнитивное (rationally осмысливаемое) переживание объективно существующих явлений и событий, неожиданных и критических по масштабам, последствиям и негативному влиянию на стабильный привычный образ жизни (и вообще на возможность жизни) обществ и сообществ.

Факторы и проявления «общества травмы» в современной Армении. Характеристики «общества травмы» имеют в армянском обществе существенные исторические предпосылки, в частности, вследствие непреодоленной коллективной травмы («межпоколенческой культурной травмы») после Геноцида 1915 г. [Karenian et al., 2011; Mangassarian, 2016]. Непризнание Турцией геноцида в отношении армян во время Первой мировой

войны не позволило поставить точку в восприятии трагических исторических событий прошлого столетия. К тому же травматическое переживание истории периодически «освежалось» такими событиями, как убийство в Турции армянского журналиста Гранта Динка, выступавшего с требованиями к современным властям Турции признать Геноцид [Eyerman, 2019: 14].

Армянское общество фактически так и не выработало эффективных механизмов по преодолению былой коллективной травмы [Атанесян, 2016], пронесло ее через весь XX век и продолжает с ней жить в XXI веке. Как пишет израильский философ А. Маргалит, в отличие от еврейского народа, пережившего Холокост и благодаря эффективной модели памяти сумевшего направить коллективные усилия на создание успешного будущего, переживший Геноцид армянский народ в своей коллективной памяти остался в прошлом, не преодолев коллективную травму [Margalit, 2002: VII–X].

Начавшаяся после кратковременной эйфории постреволюционных настроений 2018 г. [Атанесян, 2018] череда фундаментальных разочарований, включая поражение в войне в Карабахе и исход из Карабаха (Арцаха) автохтонного армянского населения¹ [Sotieva, 2021], соответствует всем указанным П. Штомпкой характеристикам травматогенных событий – внезапности возникновения, неожиданности для большинства, затрагиванием всех членов общества, глубиной и фундаментальностью последствий. Мы считаем, что о поражении армянской стороны в 44-дневной Карабахской войне 2020 г. следует говорить не столько как о новой травме, сколько об актуализации и усугублении старой². Ассоциации с Геноцидом армян в ХХ в. усиливаются тем, что Азербайджан как победитель в Карабахском конфликте официально ассоциируется с не признавшей Геноцид армян Турцией, поддержавшей Азербайджан в войне в Карабахе.

В 2021 г., сразу после войны в Карабахе, большинство представителей армянского общества (68%) было крайне обеспокоено будущим себя и своей семьи, физической безопасностью себя и своей семьи (61%), последствиями влияния поражения в карабахской войне на экономику Армении (71%)³. В армянском обществе прослеживается постепенный спад доверия органам власти, характерный для «общества травмы». Так, в начале 2023 г. деятельность парламента было удовлетворено лишь 7% граждан (от части удовлетворены 18%), правительством Армении – 8% (от части удовлетворены 26%), судебной властью – 7% (от части удовлетворены 22%). 43% населения не видели никаких ощутимых результатов в деятельности правительства за последние шесть месяцев, 21% затруднились ответить на данный вопрос⁴. Массовым проявлением политической апатии

¹ Весной 2018 г. в Армении произошла «Бархатная революция», когда на волне массовых мирных протестов к власти пришли оппозиционные политики во главе с Николом Пашиняном, ставшим премьер-министром. Новое правительство декларировало многовекторность, стремясь поддерживать отношения и с Россией, и с Западом, и с Азербайджаном. Популярность Н. Пашиняна и его политики резко упала в 2020 г., когда Азербайджан возобновил военный конфликт в Карабахе, нанес поражение его армянским защитникам и вернул под свой контроль ряд территорий. Новое возобновление военных действий в 2022–2023 гг. привело к официальному признанию правительством Армении границ Азербайджана по состоянию на 1991 г., полной ликвидации армянской Нагорно-Карабахской республики и массовому исходу армян Карабаха, опасавшихся этнических чисток, в Армению. Для понимания высокой болезненности для армян такого завершения конфликта нужно отметить, что на исторической территории Карабаха многие века жило преимущественно армянское население, к тому же Карабах после гибели в XI в. Армянского царства многое столетий был последним обломком армянской государственности, поэтому этот, казалось бы, «окраинный» регион нередко называют «сердцем Армении». – Прим. ред.

² Для сравнения и понимания травматичности события как произошедшего «вдруг», «неожиданно» и «сразу» (П. Штомпка), победа армянской стороны в Первой карабахской войне 1991–1994 гг. была достигнута за четыре года, а поражение в 2000 г. – за 44 дня.

³ Caucasus Barometer, 2021, Armenia. URL: <https://caucasusbarometer.org/en/cb2021am/codebook/> (дата обращения: 22.06.2024).

⁴ Public Opinion Survey: Residents of Armenia // January–March 2023. URL: <https://www.iri.org/resources/public-opinion-survey-residents-of-armenia-january-march-2023/> (дата обращения: 22.06.2024).

стал, в частности, крайне низкий уровень явки на выборах в сентябре 2023 г. в совет станиц Еревана, муниципальное собрание столицы, – 28,4%⁵.

В «обществах травмы», потерпевших поражение в вооруженном конфликте, недоверие может проявляться и углубляться в отношении не только собственных институтов власти, но и военно-политических союзников, т.е. проецироваться во внешнеполитическую среду. Так, послевоенное состояние армянского общества характеризуется ростом недоверия и обвинений в отношении внешних «своих», в частности, в адрес РФ как военно-стратегического союзника [Atanasyan et al., 2023].

Как пишет С.А. Кравченко, «со временем травма вступает в стадию “излечения”, что проявляется в росте доверия в обществе к институтам демократии, рынка, церкви – формируется “новая культурная консолидация”» [Кравченко, 2020: 62]. Характерным примером подобной «новой культурной консолидации» в послевоенном армянском обществе можно считать массовые протестные акции в Армении под предводительством архиепископа Баграта Галстяна, начавшиеся в мае 2024 г. и воспринятые в качестве возможного выхода из массовой депрессии и череды поражений.

Безусловно, победа в конфликте способствует преодолению постконфликтных проблем, тогда как военные поражения подобные травмы усугубляют. Соответственно, изучение социальных процессов, изменений, восприятий, ощущений, страхов и ожиданий именно в проигравших в конфликте (войне) обществах могут дать наиболее целостное, глубинное представление о коллективной травме, позволяют детально описать «общество травмы», выявить внутренние механизмы преодоления послевоенного состояния, которые представители таких обществ пытаются найти в себе и для себя. Актуальность результатов данного исследования, в частности, в плане измерения драматичных и травматических настроений в военном и послевоенном обществе, касается не только Армении, но и других современных обществ, переживших конфликты или шоки.

В рамках данного исследования в октябре – декабре 2023 г. было проведено 35 интервью с экспертами, 45 глубинных интервью с представителями молодежи, людьми среднего и пожилого возраста обоих полов, включая городских и сельских жителей из семи ключевых регионов Армении. Среди основных задач исследования – выявление глубинных восприятий, страхов и переживаний в армянском обществе касательно войны 2020 г., послевоенного настоящего и вероятного будущего.

Социокультурная трансформация армянского общества. Респонденты высказывают консенсусное мнение о том, что армянское общество сильно изменилось за последние 30 лет. Эти изменения описываются населением как «европеизация» Армении, сопровождаемая ломкой традиций, распространением безразличия, эгоизма и т.д. Анализ ценностной динамики армянского общества на основе исследования World Value Survey (WVS) показывает, что ценностная трансформация Армении последних 20 лет видится как транзит от традиционных ценностей к секулярным, как рост pragmatизма и гедонизма. При этом ценности активного (неэгоистического) индивидуализма, социальной ответственности и открытости пока не очень популярны.

В социологической литературе отмечается распад традиционного института семьи и брака: «на протяжении веков армянский народ придерживался христианских ценностей и сохранял определенные моральные нормы, которым общество следовало в повседневной жизни. Сегодня усилились попытки “глобализации” армянской семьи» [Погосян, 2021: 107]. Статистический комитет Армении с 2010 г. фиксирует постепенное сокращение общего числа браков и увеличение числа разводов в расчете на 1000 населения. За последние 20 лет прирост разводов составил 275%. Трансформации демографического

⁵ Насыров Н. Партия Никола Пашиняна неубедительно выступила на выборах в Ереване // Ведомости. 19 сентября 2023 г. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/09/19/995807-partiya-pashinyana-neubeditelno-vistupila-na-viborah-v-erevane> (дата обращения: 22.06.2024).

поведения привели к изменению института семьи – от преобладания многопоколенной в сторону доминирования нуклеарной модели.

Армяне признают эту трансформацию; в ее интерпретации присутствуют негативные оценки. Например, население использует такие понятия, как «деморализация», «ломка традиций», даже «разрушение образа армянского человека». Вот примеры из интервью, иллюстрирующие это: «Много аморального, вульгарного. То, как разговаривают и ведут себя в "Фейсбуке", выходит за все допустимые рамки традиций и приличия. Сегодня свободу многие путают с вседозволенностью» (ж., 61 г., г. Арагат); «Меняются наши национальные традиции, появляются и прививаются новые, посторонние, например – Хеллоуин. В нас появилась тяга к заграничному, чужому. Люди пытаются быть похожими в основном на европейцев с их одеждой и поведением, это к добру не приведет» (м., 52 г., г. Ереван); «Выражают глубокое соболезнование моему обществу, потому что, та система ценностей, которой обладало наше поколение... сейчас превратилась полностью в материальное... Целью нашего поколения было совершенно другое – высокие идеи и самые гуманистические, красивые человеческие качества, такие как доброта, человечность, взаимопомощь» (ж., 67 л., г. Ереван).

Может показаться, что негативное восприятие «демократизации» и «европеизации» характерно больше для представителей армянского общества в возрасте старше 50 лет. Однако исследования показывают ценностный транзит во всех поколениях [Zaslavskaya, Agadjanian, 2022], причем прозападная ориентация (в сравнении с пророссийской) более характерна для людей с высшим образованием [Atanesyan et al., 2023: 272–273]. Хотя это влияние опрошенные эксперты часто объясняли воздействием на молодежь и людей с высшим образованием западной «мягкой силы», ее влияние на ценностную трансформацию общества не стоит переоценивать.

Количественные исследования [Zaslavskaya, Agadjanian, 2022] показывают межпоколенческие различия ценностей в армянском обществе, которые выражаются в большей популярности среди молодежи ценностей самовыражения, а среди старшего поколения – мы-ориентаций. На межпоколенческие различия социокультурной модернизации наслаждается языковая поляризация публичного политического дискурса, наблюдавшаяся после «Бархатной революции» 2018 г. Это очевидным образом снижает солидарность в обществе, фрустрирует население и раскалывает его национальную идентичность: «Именно эти пять лет привели к расколу нашей нации, разделению на черных и белых⁶. Народ разделен и не определен, они даже не понимают происходящих вокруг них событий, все стали нетерпимыми, можно сказать – непонимающими...» (ж., 42 г., г. Гавар).

Фактор общественных трансформаций и настроений после карабахской войны 2020 г. Поражение в войне 2020 г., а затем – потеря Карабаха (большинство респондентов использовало армянское название Карабаха – Арцах), для одних стало поводом самоанализа и приложения новых усилий, восстановления и работы над собой и своим окружением, чтобы «восстановиться и жить дальше», «восстановиться и все вернуть». Другие еще не оправились от полученных физических и психологических травм.

Количественные исследования по выявлению причин поражения в войне 2020 г. в восприятиях армянского общества свидетельствуют о превалировании обвинений в адрес дореволюционных (58%) и постреволюционных властей Армении (28%), а также себя самих – армянского общества в целом (29%). Для сравнения: руководство РФ как союзники винят за поражение армян в карабахском конфликте 13% респондентов масовых опросов, западных лидеров – 3% [Атанесян, Мкртичян, 2023: 22].

В глубинных интервью с представителями армянского общества прослеживаеться аналогичная картина – респонденты указывают на неэффективную деятельность

⁶ Разделение общества на «черных» и «белых» ассоциируется с выступлениями премьер-министра Армении Н. Пашиняна и его единомышленников, которые под «белыми» имели в виду себя, под «черными» – представителей прежней власти, с которыми призывали бороться. По мнению экспертов, в этом и ряде других аспектах стал проявляться авторитаризм политики Н. Пашиняна.

предыдущих, непрофессиональную и даже антинациональную деятельность нынешних руководителей Армении: «Причина – наши продажные руководители, иностранные агенты, которые целенаправленно реализуют написанный для них план действий. Это – не их собственная инициатива, сами своим ограниченным умом до такого бы не додумались» (М., 66 л., г. Арагат). «Поражение в войне – это бездействие руководства. [...] Виноваты и действующая власть, и бывшие руководители. Бывшая власть, зная намерения врага, не вооружала страну, и это их самая большая вина» (м., 35 л., г. Гавар); «Рыба тухнет с головы – посмотрите, кто работает в парламенте: аферисты, хулиганы. Вы посмотрите, чем они весь день занимаются, – обзывают друг друга, кидаются чем-то, поэтому такая ситуация. Я не знаю, чем занимались прежние власти, сколько воровали и грабили, но землю держали зубами! А эти каждый день отдают какие-то анклавы...» (ж., 61 л., г. Арагат).

В высказываниях респондентов превалируют суждения, что в поражении в карабахской войне и нынешней ситуации виноваты не политики, а общество, что можно считать попыткой рационализировать происходящее и сформировать новую национальную идентичность: «В происходящем виноваты все мы. Взаимное непонимание, постоянная взаимная критика, обвинения, разобщение привели ко всему этому» (ж., 47 л., г. Ванадзор); «Мы перестали быть единой нацией. Мы не объединились ради защиты страны в 2020 году, как объединились в первую войну, ...и как следствие нашей разобщенности, произошло то, что имеем сегодня» (м., 37 л., г. Гюмри); «Когда кто-либо начинает обвинять в происходящем отдельных личностей, всегда задаю ответный вопрос: а вы что сделали, чтобы этого не случилось? Виноваты все мы: я, вы, все остальные» (ж., 22 г., с. Халидзор). Некоторые респонденты считают, что обществу необходима более активная четкая гражданская позиция в отношении действий властей страны: «Причиной является молчание нашего народа, ...народ должен быть более активным и отвергнуть бездействие и незаконное поведение властей. Не надо молчать и мигрировать из страны...» (ж., 42 г., г. Гавар).

Ряд высказываний подтверждает гипотезу о воздействии на обороноспособность страны трансформационных процессов в армянском обществе, «поколенческого и ценностного сдвига» [Маркедонов, 2023]: «Мы проиграли войну в первую очередь из-за деморализованности нашего общества, из-за низкого уровня патриотического воспитания, из-за низкого уровня образования. Говорю это как историк: вместо того чтобы давать детям знания, система образования их дрессирует, заставляя заполнять тесты. Элитой армянского общества всегда была интеллигенция. После провозглашения независимости ситуация стала меняться, и сегодня армянская интеллигенция никакой роли в воспитании общества, молодежи, в управлении страной не играет» (м., 67 л., г. Ванадзор). Справедливости ради отметим, что такой «ценостный и поколенческий сдвиг» нужно считать одним из факторов, но отнюдь не главной причиной поражения армянской стороны. Именно молодые люди сражались за Карабах: средний возраст погибших в Карабахской войне 2020 г. армянских военнослужащих – 23 года⁷.

Жизнь после поражения: восприятия и ощущения. Мысли и чувства респондентов в целом аналогичны – ясно прослеживаются и выражаются боль, гнев, печаль, потерянность, разочарованность: «Потеря Арцаха – трагедия. Мы отдали часть нашей родины и продолжаем жить в состоянии угрозы» (ж., 35 л., г. Арагат); «Наблюдая за беженцами из Арцаха, видя голодных детей и людей, оставшихся без кровя, постоянно ощущала тяжесть, печаль. С другой стороны, радовалась, что кто-то смог спастись и переехать к нам» (ж., 36 л., г. Горис).

Респонденты указывают, что конфликт с потерей Карабаха/Арцаха отнюдь не окончен, в риторику властей Армении о возможности мира с Азербайджаном трудно поверить: «Наше общество очень унижено. Потери в войне, поражение, да еще и [президент Азербайджана] Алиев не упускает возможности, чтобы не сказать на различных встречах

⁷ The Demographic Face of War // EVN Report. 2021. February 8. URL: <https://evnreport.com/raw-unfiltered/the-demographic-face-of-war/> (дата обращения: 26.01.2024).

про Армению и армянский народ что-нибудь унизительное. Постоянно повторяют, что Армения – «Западный Азербайджан» (м., 67 л., г. Абовян). После Карабахской войны 2020 г. из опасений продолжения конфликта многие больше не строят долгосрочных планов: «После войны люди изменились на 180 градусов, потеряли веру и поняли, что рассчитывать надо только на себя. Люди начали жить сегодняшним днем» (м., 35 л., г. Гавар).

Потерю Карабаха/Арцаха многие воспринимают как утрату «сердца Армении», как национальный позор. Многие проводили параллели с Геноцидом армян 1915 г.: «Мы не могли... представить, что увидим людей, детей, которые оказались в такой же ситуации, что и во время Геноцида 1915 года – плачущих детей, инвалидов... Такое впечатление, что видим своими глазами то, что происходило сто лет назад» (ж., 30 л., г. Арарат); «Люди находятся в отчаянном, безвыходном положении. [...] Они покинули родину, дом, всё и отчаянно ждут в статусе беженца» (ж., 42 г., г. Гавар).

Вместе с тем в некоторых аспектах мнения респондентов разделились: одни все еще находятся под воздействием коллективной и личной травмы, другие активно пытаются ее преодолеть. Высказывают мнение, что трудности закаляют нацию, проверяют ее на прочность: «Уверена, что все будет хорошо, оптимистка. Наши соотечественники – арцахи, испытавшие на себе девять месяцев блокады⁸, перебрались в Армению, объединяются с нами, мы станем сильнее» (ж., 47 л., г. Ванадзор); «Нельзя отчаиваться! Та нация, которая перестала бороться, сложила оружие, подняла руки, устала, не имеет права на существование» (м., 67 л., г. Ванадзор).

Для многих армян послевоенная ситуация и (временная) потеря Карабаха/Арцаха – повод для извлечения уроков и выводов: «Очень больно видеть, что наши потери, в том числе потеря нашего сердца – Арцаха, кажутся бесполезными, безответными. Мы до сих пор не ощущаем того, что, потеряв Арцах, потеряли Армению. Единственное, что может помочь, – национальное единство» (ж., 20 л., г. Ванадзор).

Сложившаяся ситуация приближает армянское общество к разрешению конфликта макроидентичностей – национально-патриотического романтизма и политического реализма [Atoyan et al., 2022]. Проблема в том, что для большинства современных армян образ идеального государства не совпадает с текущим государством ни векторе его развития, ни в территориальном смысле. Это связано с тем, что глубина исторической памяти современного армянского общества охватывает период продолжительностью более двух тысяч лет [Погосян, 2023: 49–50], в результате чего «современные армяне больше сформировались как культурно-историческая нация, чем политическая, государствообразующая» [там же: 100]. Ситуация социокультурной травмы может стать поводом для рационализации армянами понятия «своего государства» в его текущих границах.

Что делать? Отвечая на этот извечный вопрос, большинство респондентов указали, что, являясь простыми людьми, они вносят личную посильную лепту в обеспечение безопасности и развития общества: «Пытаемся учить детей быть сильными, патриотичными... Мы докажем всему миру, что снова смогли подняться» (ж., 30 л., г. Арарат); «Я сама работаю в государственном секторе. Работаю честно, стараюсь в политических спорах никогда не занимать радикальных позиций. И стараюсь пресекать всякую враждебность и ненависть в подобной ситуации» (ж., 42 г., Ереван). Прослеживается стремление к самоконтролю, укреплению личной психологической устойчивости, без чего нельзя быть полезным соотечественникам: «Выступаю в качестве волонтера и стараюсь участвовать в социальных проектах, которые занимаются благоустройством или помощью населению и гражданам. [...] Но что самое важное, я слежу за своим психологическим состоянием, чтобы у меня было здоровое ментальное состояние, поскольку здоровье каждого влияет на общую ауру и атмосферу в обществе» (ж., 22 г., г. Гавар).

⁸ Речь идет о блокаде непризнанной Нагорно-Карабахской Республики Азербайджаном в декабре 2022 – октябре 2023 гг.

В качестве реакции на послевоенную ситуацию многие респонденты осуждали миграцию из Армении, считая отъезд из страны недопустимым: «Я считаю, что мы не должны эмигрировать из своей страны, каждый из нас должен хранить свой очаг, ведь спасение в единстве. Эмигрируя, мы помогаем врагу разрушить нашу Родину своими же руками» (ж., 35 л., г. Гавар); «Всего через 7 лет мой старший сын будет призывного возраста. Постоянно думаю, что делать. Говорят – увозите его отсюда, но я считаю – пусть защищает Родину!» (ж., 39 л., г. Ванадзор; отвечая на вопрос, респондентка расплакалась).

Выход из создавшейся ситуации респонденты видят в национальном единении, взаимопомощи, а также в морально-нравственном возрождении и патриотическом воспитании. Подчеркивается необходимость национального мышления, государственной идеологии и следования национальным интересам всеми представителями общества, прежде всего – правящими элитами: «Сейчас мы находимся в состоянии, в котором, даже если 10 человек выступают вместе, они предлагают 15 разных мыслей и идей и не могут прийти к одной, которая была бы самой правильной и разумной. Нам необходимо вновь обрести единство и стать благополучным народом, имеющим собственную точку зрения и мнение, которое не будет вытекать из выгоды одного человека, а будет общим. Я считаю, что наше правительство не должно бороться за место на троне, а должно действовать в интересах народа. Только когда они начнут действовать в интересах народа, а не самих себя и своих амбиций, ситуация может измениться к лучшему» (ж., 22 г., г. Гавар).

Интересно отметить, что в качестве необходимой меры некоторыми даже предлагаются ограничить свободу слова, чтобы снизить внутреннюю конфликтность, проявляющуюся в агрессивной коммуникации на площадках социальных сетей и в СМИ: «Никогда не жила в СССР и ничего общего с ним не имею. Но считаю, что сегодня нам нужен Сталин. Вы видите, до чего нас довела свобода слова? Если гражданин ничего и никого не боится, и настолько свободен, чтобы говорить о ком угодно что угодно, он превратится в дикого зверя. Государство нужно для того, чтобы ограничивать людей в их поведении. Лидер должен уметь ограничивать свободы ради прав и свобод самих людей» (ж., 20 л., г. Ванадзор).

На кого надеяться? Согласно мнению большинства, надежду можно возлагать лишь на себя самих, в частности – на молодежь, а также на армию: «Если каждый будет заниматься своим делом, все будет хорошо» (ж., 61 г., г. Арапат); «Каждый из нас должен верить прежде всего в себя. Мы должны верить в наших военных – благодаря им мы можем спокойно спать, работать, учиться» (м., 59 л., г. Горис).

Политических сил, на которые можно надеяться, среди действующих и бывших политиков Армении люди не видят: «Среди сегодняшних деятелей, в том числе оппозиционных, ни одного потенциального лидера не вижу. Куда делись все те партии, которые были на политической арене? Все они преследовали лишь одну задачу – заполучить власть» (м., 42 г., г. Гюмри).

Многие полагают, что не следует надеяться не только на представителей своей политической элиты, но и на внешние силы и их участие в решении проблем безопасности Армении. В большинстве ответов звучала мысль, что никто не поможет в той степени, в которой это необходимо. Все государства руководствуются лишь своими национальными интересами. Вместе с тем в той или иной степени союзниками считают прежде всего Францию, а также с оговорками – РФ, США, Иран, Индию, Грузию: «Опыт показывает: когда мы рассчитывали на своих союзников в кавычках, всегда потом ошибались и разочаровывались. У союзников – свои интересы, не совпадающие с нашими» (ж., 56 л., с. Лусарат).

Параллельно просматривается позиция зависимости окончательных решений, прежде всего, от внешнеполитического расклада сил. В этом аспекте общественное мнение можно поделить на пророссийское и антироссийское, прозападное. Глубинные интервью в целом подтверждают результаты массовых опросов о различиях доверия в армянском обществе к разным ключевым государствам после событий, связанных с войной в Карабахе.

Так, в начале 2023 г. взаимоотношения Армении с Францией положительно оценивали 96% армянского населения, с Ираном – 91%, с США – 88%, с ЕС – 86%, с РФ – только 50%⁹.

Встречается негативное отношение ко всем внешнеполитическим игрокам в целом: «Любая политика – торг. Союзников у нас нет. Если попытаться выстраивать взаимоотношения с США, с НАТО, то там их союзница – Турция. Россия, как и раньше, продолжает продавать газ Европе, но теперь через Азербайджан, и взамен позволяет Азербайджану забирать армянские территории, торгует нами» (М., 42 г., г. Абовян); «Каждый раз в поисках союзников Армения разочаровывается. Сейчас мы пытаемся выстраивать союзнические отношения с США, однако вследствие этого нам будут навязаны американские ценности, и в этом ничего хорошего не виджу» (ж., 25 л., г. Горис).

Критическое отношение респондентов к политике России в отношении Армении объясняют как интересами, которыми руководствуется Россия, так и тесными взаимосвязями РФ с Турцией и Азербайджаном. Респонденты испытывают в отношении роли России крайнюю разочарованность, даже озлобленность: «Всегда считала Россию самым близким соседом и союзником, однако последние события показали, что рассчитывать на Россию нельзя» (ж., 36 л., г. Горис); «Как и в прошлом, так и во время этой войны мы до конца верили и ждали поддержки союзного государства, но потеряли наши земли – Западную Армению¹⁰ и Арцах. Теперь, все это зная, армянский народ должен опомниться и понять, что ему следует учиться на своих ошибках и искать новых союзников» (ж., 29 л., г. Гавар).

В оценках взаимоотношений с РФ прослеживается также самокритика, связанная преимущественно с деятельностью властей Армении, никак не способствующих армяно-российским отношениям и вызывающих в армянском обществе крайне негативные реакции: «Россия могла бы нам помочь, но и мы совершили много ошибок в отношениях с Россией. Ездят наши чиновники в Москву, договариваются, а на следующий день Пашинян звонит Макрону: кому это может понравиться!» (м., 67 л., г. Абовян); «Мне не нравится, когда говорят: чем Россия может помочь? Помощь оказывается бродягам! Нужно говорить о взаимодействии, о сотрудничестве, а для этого нам прежде всего самим нужно быть сильными и интересными для потенциальных союзников» (м., 61 г., г. Аракат). Некоторые высказывались в поддержку России, подчеркивая важную роль, которую РФ оказывает в обеспечении безопасности Армении, в том числе военной и экономической: «Россия уже делает очень многое для Армении. Россия остановила 44-дневную войну в Карабахе, а то азербайджанцы уже собирались войти в Степанакерт, и они бы там устроили настоящую резню, геноцид населения. Если бы Россия не остановила, то война бы продолжалась. [...] Россия... гуманитарную помощь предоставила, российские миротворцы расположены в Карабахе. Российские пограничные силы охраняют наши границы с Турцией и Ираном. Я сейчас просто перечисляю то, что буквально все знают, что очевидно и всегда было и есть сегодня тоже. [...] Я думаю, что Россия могла бы сделать еще больше, если бы мы не стали ухудшать наши отношения» (м., 62 г., г. Ереван).

Было высказано мнение, что Россия на данном этапе поддерживать Армению не то чтобы не хотела, но не может, поскольку занята конфликтом на Украине: «Всегда надеялась на Россию, но и Россия нас подвела. Пока не решен украинский вопрос, Россия для нас сделать ничего не сможет» (ж., 60 л., г. Абовян); «В данный момент из интересов России не следует вмешиваться в какие-либо вопросы на Кавказе, потому что она сейчас воюет на Украине. [...] Свои силы она естественно должна применять там, и у нее нет никакого желания вмешиваться здесь в какие-либо вопросы, создавать военную ситуацию»

⁹ Public Opinion Survey: Residents of Armenia. January–March 2023. URL: <https://www.iri.org/resources/public-opinion-survey-residents-of-armenia-january-march-2023/> (дата обращения: 18.07.2024).

¹⁰ Под Западной Арменией понимают территории северо-восточной Турции, до Геноцида 1915 г. населенные преимущественно или в значительной степени армянами. Во время русско-турецких войн 1877–1878 и 1914–1917 гг. армяне Турции надеялись на освобождение Россией этих территорий, но после 1917 г. «Турецкая Армения» была снова занята турками, советское правительство поддержало Турецкую Республику и признало старые границы Турции. – Прим. ред.

(ж., 67 л., г. Ереван). Вместе с тем понимание занятости России в иных вопросах не становится оправданием ее позиции по Карабаху, более того – уступки по Арцаху рассматриваются как элемент ослабления в регионе позиций РФ в целом.

Образы армянских лидеров настоящего и будущего. Образ армянского лидера настоящего времени в массовых восприятиях выражается через фигуру премьер-министра Н. Пашиняна. Во время глубинных интервью было заметно, что Н. Пашиняна либо поддерживают, но не зная, как будет воспринята подобная точка зрения, пытались уклониться от конкретного ответа и оценок, либо явно не поддерживают. Поддерживающие и скорее поддерживающие Н. Пашиняна респонденты указывали на его демократичность, простоту в общении с населением, а также на то, что сваливать всю вину за произошедшие трагические события на одного человека неправильно. «Поддержка Пашиняна обусловлена тем, что он предлагает не оглядываться назад, в историю, а идти вперед» (м., 30 л., г. Аракат).

В оправдание Н. Пашиняна нередко звучала фраза: «Любой политик имеет как положительные, так и отрицательные черты». Его приход к власти и популярность связывают с вакуумом, который образовался в политическом поле страны из-за низкой популярности предыдущих лидеров: «Он смог оказаться в нужном месте в нужное время. Кроме того, причина его успеха заключается в том, что разочарованный армянский народ действительно ждал лидера, способного вывести их из данной ситуации. И когда Никол Пашинян, появился, он сумел вызвать доверие народа своей уверенностью. Он стал героем, на которого люди положили свою надежду» (ж., 20 л., г. Гавар).

Не поддерживающие Н. Пашиняна считают его беспринципным политиком и даже претендатором: «Пашинян – талантливый подлец, отлично продвигающий свой план. Раньше я думала, что он сумасшедший, но он – подлец, агент внешних сил» (ж., 61 л., г. Аракат); «Недавно смотрел какие-то рейтинги, которые проводят в Армении, так его (Н. Пашиняна) рейтинг, который был очень высоким в 2018 году, в несколько раз понизился, до уровня 18–20%, что по сравнению с [начальными] 80% очень низко. Это говорит о том, что не только я его не поддерживаю, а трудно найти людей, которые его поддерживают»¹¹ (м., 62 л., г. Ереван). Часто звучала мысль, что современной Армении необходим общенациональный, а не партийный лидер. Такого лидера, по мнению большинства респондентов, сейчас нет.

Выводы. Проведенное эмпирическое исследование, сопоставленное с актуальными данными массовых социологических опросов, носит во многом поисковый характер и не претендует на комплексную диагностику армянского общества. Тем не менее по его итогам можно в первом приближении сформулировать определенные выводы о «травмированности» армянского общества событиями последних лет, прежде всего – поражением в карабахской войне 2020 г. и массовым исходом армянского населения из Карабаха/Арцаха в сентябре – октябре 2023 г. после ликвидации Нагорно-Карабахской республики.

Эта череда событий соответствует четырем характеристикам травматогенных событий, выделенным П. Штомпкой, – внезапности возникновения, неожиданности для большинства представителей общества, затрагиванием всех членов общества, глубиной и фундаментальностью последствий. В армянском обществе прослеживается спад доверия и органам власти, и в отношении внешнеполитических союзников. В «обществах травмы» большинство людей никому не доверяет. Восприятия недавнего прошлого, настоящего и вероятного будущего в армянском обществе характеризуются тревожностью, апатичностью, чувствами неопределенности, безысходности и покинутости, депрессивностью, гневом и глубокой разочарованностью в прежнем и нынешнем руководстве страны. Травматические коллективные переживания в послевоенном армянском обществе

¹¹ Мнение респондента соответствует результатам социологического опроса, проведенного Gallup International в тот период, см., напр.: Может ли Пашинян с 13,6%-й поддержкой сделать то, против чего выступают 95% граждан? // Yerevan Today. 07 августа 2023. URL: <https://ru.yerevan.today/110225> (дата обращения: 20.01.2024).

усиливаются постоянными ассоциациями с Геноцидом армян начала XX века. Поэтому о поражении армянской стороны в Карабахе следует говорить не столько как о новой травме, сколько как об актуализации, усугублении непреодоленной старой травмы.

Тяжесть коллективной травмы подпитывает массовую практику возложения армянами ответственности за события в Карабахе не только на себя (на самих карабахцев, на свое – бывшее и новое – правительство), но и на внешних акторов (прежде всего на Россию пропорционально договоренностям и надеждам, связанным в Армении с РФ). Россия воспринимается как страна «со своими интересами», «со своими проблемами и трудностями», при этом народ Армении разочарован в миротворческом потенциале России.

Важную роль в восприятии армянами образа будущего играют ценностные сдвиги, происходящие в армянском обществе последние 20 лет. Армения постепенно перестает быть традиционным обществом. Растет уровень прагматизма, имеют место транзит к постматериалистическим ценностям и ориентации на Запад, особенно среди столичной молодежи, хотя «западные» ценности пока не очень популярны среди массовых слоев армянского общества. Армянское общество, с одной стороны, подчеркивает важность традиционных устоев, норм и принципов, демонстрирует настороженное и критическое восприятие «европеизации», с другой – выражает готовность к умеренной модернизации.

Некоторый оптимизм в отношении будущего связан с ролью патриотичной и просвещенной армянской молодежи, с возвращением в систему управления страны интеллигенции (в т.ч. научной, церковной). В восприятиях и ориентациях представителей армянского общества просматривается обращение к внутренним механизмам самоконтроля, самореализации через общественно полезную деятельность, взаимопомощь и патриотическое воспитание детей и молодежи, а также через качественное образование. В помощь внешних сил современные армяне мало верят – помочь Армении может лишь само армянское общество.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Атанесян А.В. «Бархатная революция» в Армении: потенциал, достижения и риски политико-протестной активности // ПОЛИС. Политические исследования. 2018. № 6. С. 80–98. DOI: 10.17976/jpps/2018.06.06.
- Атанесян А.В. Культура памяти и некоторые модели памяти о Геноциде армян в современном армянском обществе // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. № 8. С. 46–54. DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-4/1-46-54.
- Атанесян А.В., Мкртичян А.Е. Россия как союзник: динамика восприятия в армянском обществе до и после карабахской войны 2020 года // ПОЛИС. Политические исследования. 2023. № 2. С. 9–26. DOI: 10.17976/jpps/2023.02.02. EDN: OYNCOF.
- Волков Ю.Г. Общество травмы: поиск пути исцеления (приглашение к дискуссии) // Социологические исследования. 2020. № 9. С. 16–27. DOI: 10.31857/S013216250009344-1.
- Волков Ю.Г. Социокультурные травмы современного российского общества // Социологические исследования. 2022. № 3. С. 13–23. DOI: 10.31857/S013216250017543-0.
- Кравченко С.А. Социологические теории травмы: дискурс в современной теоретической социологии // Социологические исследования. 2020. № 4. С. 60–69. DOI: 10.31857/S013216250009131-7.
- Макаров Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (круглый стол) // Социологические исследования. 2019. № 6. С. 3–14. DOI: 10.31857/S013216250005477-7.
- Маркедонов С.М. Армения и Нагорный Карабах: ценностный и поколенческий сдвиг // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 12. С. 93–103.
- Погосян Г.А. Армянская семья: между традицией и современностью // Социологические исследования. 2021. № 10. С. 106–115.
- Погосян Г.А. Историческая память и национальная идентичность. Ереван: РАУ, 2023.
- Тощенко Ж.Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М.: Весь Мир, 2019.
- Alexander J.C. Trauma: A Social Theory. Cambridge & Malden: Polity, 2012.
- Alexander J.C., Eyerman R., Giesen B., Smelser N.J.. Sztompka P. Cultural Trauma and Collective Identity. Berkeley: University of California Press, 2004.

- Atanesyan A.V., Reynolds B.M., Mkrtichyan A.E. Balancing Between Russia and the West: The Hard Security Choice of Armenia // European Security. 2023. No. 33(2). P. 261–283. DOI: 10.1080/09662839.2023.2258528
- Atoyan V., Ohanyan S. et al. On identification, identity, and security issues in modern Armenia // WISDOM. Spec. Iss. 2022. No. 2(1). P. 5–14.
- Barakat S., Zycck S.A. The Evolution of Post-Conflict Recovery // Third World Quarterly. 2009. No. 30(6). P. 1069–1086.
- Karenian H., Livaditis M. et al. Collective Trauma Transmission and Traumatic Reactions Among Descendants of Armenian Refugees // International Journal of Social Psychiatry. 2011. No. 57(4). P. 327–337. DOI: 10.1177/0020764009354840.
- Mangassarian S.L. 100 Years of Trauma: The Armenian Genocide and Intergenerational Cultural Trauma // Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma. 2016. No. 25(4). P. 371–381. DOI: 10.1080/10926771.2015.1121191.
- Margalit A. The Ethics of Memory. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004.
- Sotieva L. Collective Wounds: Societal trauma and the Karabakh conflict. UK: Independent Peace Associates, 2021.
- Zaslavskaya M., Agadjanian V. Gender Attitudes Across Generations in Contemporary Armenian Society (Comparative Analysis) // Journal of Sociology: Bulletin of Yerevan University. 2022. No. 13(2 (36)). P. 48–60.

Статья поступила: 22.07.24. Финальная версия: 30.09.24. Принята к публикации: 01.10.24.

“SOCIETY OF TRAUMA”: PUBLIC PERCEPTIONS, HOPES AND FEARS IN THE ARMENIAN SOCIETY AFTER THE KARABAKH WAR

ATANESYAN A.V.* ***, ANIKIN V.A.***

*Yerevan State University, Armenia; **Pyatigorsk State University, Russia; ***HSE University, Russia

Arthur V. ATANESYAN, Dr. Sci. (Pol.), Professor, Head of Applied Sociology Department, Faculty of Sociology, Yerevan State University, Yerevan, Armenia; Professor at the Department of Journalism, Media Communications and Public Relations, Institute of International Relations, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia (atanesyan@yandex.ru; atanесyan@ysu.am); Vasiliy A. ANIKIN, Ph.D. (Sociol.), Assoc. Prof., School of Sociology, Faculty of Social Sciences, HSE University, Moscow, Russia (vanikin@hse.ru).

Abstract. The article attempts to characterize Armenian society in the aftermath of the Karabakh War as a “society of trauma.” The topic and its conceptual deliberation in frames of the “society of trauma”, or a “traumatic society”, is applicable to those modern societies living in conditions and after prolonged armed conflicts. Conducted between October and December 2023, the study utilized in-depth interviews with individuals across different age groups and regions, expert interviews with professionals, and analysis of previous sociological studies. The study aims to uncover deep-seated value judgments regarding societal transformations before and after the war, factors influencing these shifts, the impact of ruling elites and foreign actors on Armenian domestic and foreign policy, and the overall dynamics of Armenian post-conflict society. Findings reveal a society grappling with declining trust in government institutions, pessimism about the future, nostalgia for the past, political apathy, and a reshaping of collective memory. The term “society of trauma” encapsulates these significant characteristics, reflecting the enduring impact of the conflict¹².

Keywords: Armenian “society of trauma”, Karabakh conflict, “Velvet Revolution”, war, value transformations, perceptions, trust, apathy, recovery.

REFERENCES

- Alexander J.C. (2012) Trauma: A Social Theory. Cambridge & Malden: Polity.
- Alexander J.C. et al. (2004) Cultural Trauma and Collective Identity. Berkeley: University of California Press.
- Atanesyan A.V. (2016) Culture of Memory and Some Models of Memory about The Armenian Genocide in Contemporary Armenian Society. *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mys'* [Historical and Social-Educational Idea]. No. 8: 46–54. (In Russ.)

¹² The authors thank G. Poghosyan and D. Bdoyan for supporting the field research.

- Atanesyan A.V. (2018) "Velvet Revolution" in Armenia: Potential, Achievements and Risks of Political Protest Activity. *POLIS. Politicheskie issledovaniya* [POLIS. Political Studies]. No. 6: 80–98. DOI: 10.17976/jpps/2018.06.06. (In Russ.)
- Atanesyan A.V., Mkrtichyan A.E. (2023) Russia as an Ally: the Dynamics of Public Perceptions in Armenian Society before and after the 2020 Karabakh War. *POLIS. Politicheskie issledovaniya* [POLIS. Political Studies]. No. 2: 9–26. (In Russ.)
- Atanesyan A.V., Reynolds B.M., Mkrtichyan A.E. (2023) Balancing Between Russia and the West: The Hard Security Choice of Armenia. *European Security*. No. 33(2): 261–283. DOI: 10.1080/09662839.2023.2258528.
- Atoyan V., Ohanyan S. et al. (2022) On Identification, Identity, and Security Issues in Modern Armenia. *WISDOM. Spec. Iss.* No. 2(1): 5–14.
- Barakat S., Zycck S.A. (2009) The Evolution of Post-Conflict Recovery. *Third World Quarterly*. No. 30(6): 1069–1086.
- Karenian H., Livaditis M. et al. (2011) Collective Trauma Transmission and Traumatic Reactions Among Descendants of Armenian Refugees. *International Journal of Social Psychiatry*. No. 57(4): 327–337. DOI: 10.1177/0020764009354840.
- Kravchenko S.A. (2020) Sociological Theories of Trauma: Discourse in Contemporary Theoretical Sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 60–69. (In Russ.)
- Makarov T. (2019) Society of Trauma: Between Evolution and Revolution (a round table discussion). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 3–14. (In Russ.)
- Mangassarian S.L. (2016) 100 Years of Trauma: The Armenian Genocide and Intergenerational Cultural Trauma. *Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma*. No. 25(4): 371–381. DOI: 10.1080/10926771.2015.1121191.
- Margalit A. (2004) *The Ethics of Memory*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Markedonov S. (2023) Transformation of the Armenian-Azerbaijani Conflict: Historical Experience and Current Developments. *MEMO Journal*. Vol. 67. No. 12: 93–103. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-12-93-103. (In Russ.)
- Pogosyan G.A. (2021) Armenian Family: Between Tradition and Modernity. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 106–115. (In Russ.)
- Pogosyan G.A. (2023) *Historical Memory and National Identity*. Yerevan: Rau. (In Russ.)
- Sotieva L. (2021) *Collective Wounds: Societal Trauma and the Karabakh Conflict*. UK: Independent Peace Associates.
- Toshchenko Zh.T. (2019) *Society of Trauma: Between Evolution and Revolution (Experience of Theoretical and Empirical Analysis)*. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Volkov Yu.G. (2020) Society of Trauma in Search of Healing (Invitation to Discussion). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 16–27. (In Russ.)
- Volkov Yu.G. (2022) Sociocultural Traumas of the Contemporary Russian Society. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 13–23. (In Russ.)
- Zaslavskaya M., Agadjanian V. (2022) Gender Attitudes Across Generations in Contemporary Armenian Society (Comparative Analysis). *Journal of Sociology: Bulletin of Yerevan University*. No. 13(2 (36)): 48–60.

Received: 22.07.24. Final version: 30.09.24. Accepted: 01.10.24.